

**МЕМУАРЫ КАК ПИСЬМЕННО-РЕЧЕВОЙ ДИСКУРС
РЯДОВОГО НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА: ЦЕННОСТНО-КОНЦЕПТНЫЙ АНАЛИЗ**
Н. Б. Лебедева

**MEMOIRS AS WRITTEN SPEECH DISCOURSE OF THE RUSSIAN SPEAKER:
VALUE-CONCEPT ANALYSIS**
N. B. Lebedeva

Статья посвящена ценностно-концептному анализу мемуарных записок двух авторов, довольно близких по социальному положению – руководящих работников среднего звена советской эпохи. За основу исследования взят аспект миромоделирования: анализ ценностных концептов в гармонии с тематической и композиционной спецификой позволяет описать тот мир, который, будучи преломленным через сознание авторов, восстанавливается из анализа их мемуаров.

The paper is devoted to the value-concept analysis of the memoirs belonging to two authors who are close in their social position – middle-rank managers of the Soviet time. The basis of the study is the aspect of world modelling: analysis of value concepts in harmony with the topical and composition specifics makes it possible to describe the world which is restored from the analysis of their memoirs and is refracted through their consciousness.

Ключевые слова: народные мемуары, ценностные концепты, миромоделирование, лингвоперсонологический аспект.

Keywords: public memoirs, value concepts, world modelling, linguopersonological aspect.

В настоящее время активно печатаются так называемые «народные мемуары» (см., в частности, [1 – 6]), под которыми понимаются воспоминания людей, не относящихся к элитарному слою населения, то есть политических деятелей, полководцев, художников слова, известных людей искусства и пр. Сразу отметим, что особого уважения и внимания заслуживает сама потребность обычных людей запечатлеть свои переживания, оценки, мысли и события, вызвавшие их, что свидетельствует о большом духовном запасе «людей из народа», их высокой самоосознанности и самоуважении, стремлении осмыслить свою жизнь в больших – смыслообразующих – парадигмах. Они считают нужным оставить после себя след пусть даже в виде записок для своих родных, несколько парадоксально проявляя при этом особенную скромность и даже смиренность. Это тем более обязывает ученых не оставаться в стороне от фиксации и исследования таких феноменов.

Объяснение этого феномена – значительного всплеска мемуарной литературы «неэлитарных» людей – видится в следующем. Октябрьская революция и все, что последовало за ней, привели к тектоническим сдвигам в сознании людей, и сколько бы ни писали и ни говорили о тоталитаризме и подавлении человека во имя государственных интересов в Советское время, мы должны признать, что думающие и чувствующие люди осознавали свою «равновеликость» эпохе, а свое искреннее участие в жизни страны и мира воспринимали как смысл своей жизни, определяемый именно вписанностью ее в жизнь народа и государства. Как правило, выйдя на пенсию и отойдя от социальной активности, духовно живые люди, особенно в период перестройки общества на другие, непривычные для них, рельсы и перехода на иные, небесспорные с их точки зрения, ценности, стали писать свои воспоминания, чтобы осознать свой путь и путь своего народа не как ошибку истории, а как честный и закономерный этап бытия. При выборе материала, при осмыслении и оценивании его они проявляют внутреннюю свободу, психологиче-

скую цельность и здоровый нравственный дух. Воспоминания этих людей искренни, непредвзяты и не озлобленны, даже когда они пишут о тяготах, несправедливостях и ошибочных решениях властей, иногда больно отразившихся на судьбах их самих, их близких и того дела, которому они служили. Они размышляют, дают свои оценки, гордятся успехами своего района или завода как частицей успехов всей страны и страдают от несовершенства мироустройства. Вот этот анализ, критичность, объективность при всей своей заинтересованности и высокой, по-мужски сдержанной, эмоциональности отличает тот тип мемуаристики, который подвергается нашему исследованию в данной работе.

Мы остановимся на анализе воспоминаний двух довольно близких по социальному положению авторов мемуарных записок – *Бориса Ивановича Гладких* (1921 г. рождения) и *Федора Гавриловича Дмитриева* (1913 г. рождения) (*тексты воспоминаний этих авторов хранятся в Лаборатории народной письменной культуры Алтайской государственной педагогической академии – Н. Б.*). Общее у них то, что они относятся к одному поколению, являются, что называется, «выходцами из народа», то есть по-своему самородками, «сделавшими себя сами», и представляют собой то среднее звено руководителей, которые на своих плечах выносили как достижения, так и драматические, а порой и трагические моменты в жизни страны, оказываясь прямым связующим звеном между «простым народом» и властью. Оба вышли «из переселенцев»: в конце XIX века их предки уехали из Центральной России на «вольные земли и хлеба». Различает их то, что Борис Иванович, имея техническое образование, работал «по инженерной части» (он работал в Казахстане – в городах Караганда и Экибастуз (*город Экибастуз известен, кроме своих угольных разрезов – крупнейших в мире, как место ссылки Александра Исаевича Солженицына Н. Б.*)), закончил карьеру директором образованного им самим завода по ремонту горно-транспортного оборудо-

дования, обслуживающего разрезы Экибастузского производственного объединения по добыче угля – «четвертой угольной кочегарке СССР»), поэтому и стиль его – более объективно-научный, несколько беспристрастный (в частности, на полях он отмечает точную дату каждой записи, первая – 3.07.1999 – как бы со стороны комментирует даже сам ход записывания), а Федор Гаврилович всегда был работником идеологического фронта, он реализовался на партийной работе в сельской местности, его стиль более публицистический, идейно ангажированный. Это общее и отличное проявляется на всех уровнях, в том числе и в собственно лингвистическом аспекте.

Исследование мемуаров «простых людей» может быть произведено в различных аспектах. В данной работе взят аспект миромоделирования: анализ ценностных концептов в гармонии с тематической и композиционной спецификой позволяет описать тот мир, который, будучи преломленным через сознание авторов, восстанавливается из анализа их мемуаров. Как во всяких воспоминаниях, в мемуарных записках этих авторов, разумеется, происходит переконструирование тех реальных событий, которые имели место, и они тем самым моделируют, создают, структурируя по-своему, новую реальность, в которой проявлены контуры ушедшего мира и их собственная личностная реальность. Поэтому может быть взят и лингвоперсоналогический аспект исследования в духе Н. Д. Голева. К этому аспекту располагает и возможность сопоставления языковых картин мира и идиостилей двух авторов, которые, при всей их похожести, далеко не тождественные языковые личности.

Этот мир, во многом ушедший, но оставивший пусть в пунктирном проявлении свой след в настоящем, вызывает ностальгическое ощущение у читателя, хотя, заметим, оно неярко выражено в самих воспоминаниях участников ушедшей жизни. В этих, анализируемых нами, мемуарах нет ни тоски по ушедшему, ни неприятия новых времен, ни зависти к более легкой и счастливой жизни молодежи, нет озлобленности и критичности. В их мужественной и честной позиции есть приятие жизни и судьбы – как частной, своей, так и жизни в экзистенциальном масштабе – приятие и осознание ее ценности.

Начнем с композиции, которая на структурном уровне проявляет особенности миромоделирования авторов исследуемых мемуаров.

Начинаются мемуары с позиционирования себя. Федор Гаврилович как писатель открывает свои записки с указания инициалов и фамилии: *Ф. Г. Дмитриев*. Далее идет нечто вроде заголовка в виде указания на адресата. Борис Иванович, как человек более точного и объективного мышления, располагает эти компоненты в обратном порядке: после заголовка и указания на адресата начинается по-протоальному сухое самопредъявление: *Я, Гладких Борис Иванович, родился 20 сентября 1921 года в селе Герасимовка Дзержинского района Талды-Курганской области Казахстана. Я был вторым ребенком своих родителей <...> Родители наши были <...>*.

Заметим, что почти одинаковое начало мемуаров свидетельствует о некоем жанровом каноне, существующем в сознании этих авторов: они опираются на вынесен-

ные из читанных ими других жизнеописаний представления о том, как правильно писать воспоминания.

Начало обоих исследуемых мемуаров почти одинаково – с указания адресатов, которым они посвящают свои записки, – это дети и внуки. Этим подчеркивается скромность и личностный аспект записок: авторы не претендуют ни на публикацию, ни на какое-либо иное обнародование. Мемуары Федора Гавриловича называются историей семьи и летописью, включают слово «посвящается»: *«История нашей семьи. Вам, детям, внукам и правнукам, посвящается эта краткая летопись»*. Заметим, что уже в этом обращении (*ВАМ, ПОСВЯЩАЕТСЯ*) мы видим некоторую публицистичность стиля Федора Гавриловича. Борис Иванович не дает письменной номинации своих записок (в устном разговоре он их называл воспоминаниями и мемуарами), а начинает с указания темы и целеполагания: *«О себе, о семье, о внуках, на память детям, внукам и ...»*. Многозначие указывает на надежду, что список читателей не ограничится внуками, но и последующее поколение проявит интерес к «родовым корням» (он успел дожить до правнуков). Но поскольку (как покажет знакомство с текстами) оба автора не ограничиваются лишь семейным кругом и перечислением своих предков, а дают широкую социальную панораму, постольку мы можем заключить, что изначально авторы видят себя не частным лицом, песчинкой, «пылью на ветру», а ощущают сопричастность себя и своих близких всему социальному – общественному и государственному – контексту, иногда даже более того – всему мироустройству и космосу. Вот какое вступление-напутствие делает Федор Гаврилович: *Любая история семьи или отдельного человека не отделима от истории родины, эпохи, периода, в котором пришлось жить, расти, учиться и работать*.

В этой истории вы не найдете выдающихся подвигов, героических поступков и свершений, однако сама жизнь любого человека, его работа, пускай самая простая, незаметная, но честная и добросовестная уже стоит того, чтобы ее помнить и знать, брать от нее все полезное и нужное, отбрасывать отжившее, устаревшее.

Вам, детям, внукам и правнукам придется жить и работать в 2000 столетии, так не полнитесь заглядывать в эту летопись, сравнить свою жизнь с нашей, настоящее с прошлым, ибо нельзя знать хорошо настоящее, не зная прошлого.

Еще одно надо помнить, что нет и не может быть истории семьи или отдельной личности, не связанной с обществом, родиной, страной и эпохой: любая история семьи, отдельной личности тесно связана с эпохой жизни, труда и работы и является крупинкой в общей жизни человеческого общества, хотя и составляет трагическую песчинку в общем мире.

При всех катастрофах, катаклизмах в природе, человеческая жизнь не иссякнет, она будет продолжаться вечно, переживая все невзгоды и потрясения, сменяя поколения за поколениями, причем она, безусловно, в свое время вырвется еще за пределы земли во Вселенную.

Борис Иванович мог бы подписаться под этими словами (они ему близки), но он избегает патетики и назидательности, стремясь оставаться беспристрастным фиксатором потока жизни. Примером тому слу-

жит и то, что сразу после краткого перечисления состава своей (родительской) семьи он под заголовком «Родина» делает краткий географический, хозяйственный и исторический очерк той юго-восточной территории Казахстана, в которой находится его родное село. Он объективно, как историк, объясняет, почему казахские племена, терпя набеги воинственных джунгарских соседей, обратились за помощью к России, что привело к заселению Семиречья русскими торговцами, ремесленниками, казаками вокруг созданных на пограничье военных крепостей – так «зарождалась русская диаспора».

Федор Гаврилович также в начале (но после подробнейшей главы «Дед и Бабушка», в которой он детально рассказывает о деде Антоне и его предках) дает очень подробный географический, исторический и социально-экономический очерк своей родины – старинного села Алтайского края Сростки (также под особым заголовком «Сростки»), куда переехали его родители, где он родился и прожил определенную часть своей жизни. И также его описание отличается особой объективностью, детальностью, подробностью, указанием фамилий известных людей (например, купцов, выстроивших по степени богатства и влияния), с подробнейшим описанием трудовых процессов (сельскохозяйственных, ремесленных и пр.), устройства домов (даже имеется схема планировки дома с пометой «(Смотри приложенную схему внутренней планировки дома)»), строгого и разумного уклада семьи и всей общины. Начинается история села Сростки перечислением всех гипотез происхождения названия, упоминается семья В. М. Шукшина. История села передается по этапам: дореволюционный период, послереволюционный, коллективизация, комсомол. В эту рамку истории села вписана история больших социальных процессов и неотрывно от них – история его собственной жизни, семьи и близких. Отдельно выделена главка истории семьи его жены, написанная ею самой. В целом выдержан хронологический порядок изложения, с указанием дат, фамилий, вписаны некоторые сюжетные зарисовки, диалоги.

Борис Иванович после краткого очерка о родине далее под заголовком «Отец» помещает повествование о родителях и своей семье. Он стремится быть конкретным и беспристрастным, четко указывая, что он знает точно, а что – предполагает: *Отец наш Иван Ефремович Гладких родился в 1888 году, а где – я не знаю. Возможно, мать и говорила, но я не помню* (сам отец погиб рано). Далее следуют главки «О матери», «О родне», «Жизнь в Герсимовке», «Жизнь в Андреевке», «Раскулачивание и гибель отца», «Жизнь без отца», «Школа», «После школы», «Мобилизация в трудармию» и так далее, тоже в хронологическом порядке. На фоне истории страны вырисовывается вся жизнь – своя, своей семьи, угольного разреза и других организаций, в которых пришлось трудиться. Заканчиваются записки Бориса Ивановича семейными делами: переезд к дочери, краткие рассказы о своих детях и внуках, гордость за них и переживания по поводу их трудностей. Само завершение мемуаров представлено в виде переписанных записей в трудовых книжках – своей собственной и своей жены Фаины Вениаминовны Гладких, с кратким перечислением наград. После записей из своей трудовой книжки перечислены его долж-

ности до 1942 года (с этого года начинаются записи в трудовой книжке), на которых он работал с весьма раннего детства: *«тастух, колхозник: погоньч, фуражир, учетчик, весовщик, корректор, пионервожатый, учитель»*.

Также и Федор Гаврилович в конце своих мемуаров не отходит от социальной стороны своей жизни: уже будучи на пенсии, он следит за продолжением своих дел, которые он не успел завершить, глядя в будущее этих проектов с оптимизмом, что свидетельствует о его стремлении позитивно оценивать свою прошедшую жизнь. Чувство «не зря прожитой жизни» поддержано именно ее социальной значимостью: *Я верю, что с постройкой этих заводов в ближайшие годы поселок Благовещенка безусловно станет городом в степи и в нем будут строиться еще другие предприятия переработки с/х-ого сырья*.

Подведем итог. Итак, в самой композиции мемуаров вырисовывается миромоделирующая основа изложения: «прародители – родительская семья – рождение и взросление самого автора – своя семья – дети и внуки». Это первая линия – хронологическо-семейная, ядерная, это ось, на которой держится вся жизнь, ее биологическое начало, – она тянется издалека и уходит в «далеко». Она отражает архаическое циклическое представление о круговороте поколений («деды-внуки – деды-внуки»), соотносимом с крестьянским, сельскохозяйственным циклом «зима – весна – лето – осень». Сам человек здесь и не полностью субъект, и не полностью объект – он участник процесса.

Вторая линия – соотнесение хронологическо-семейной линии с социально-производственной, в которой реализуется сам автор и чему придается им большое значение. Если первая линия – как бы непреложная, данная человеку изначально, то вторая – это сфера достижений, арена проявления его усилий, здесь возрастает роль субъектной составляющей, и хотя воле случая здесь тоже находится место, но личностное становление самого автора (учеба – производственная деятельность – карьерный рост) имеет немаловажное значение: недаром мемуары Бориса Ивановича заканчиваются перечислением записей в трудовой книжке, а мемуары Федора Гавриловича – упоминанием о продолжении его незавершенных начинаний.

Третья линия – соотнесение двух первых (хронологическо-семейной и социально-производственной) с линией общества в целом, страны, государства. Эта связь проходит через все повествование и завершает его (трудовая книжка – государственный документ). У этой линии особый статус – смыслообразующий, сам автор здесь является субъектом, включенным в большую субъектную сферу, но не совсем подчиненным, поскольку сознательно включает в нее себя (это его выбор) и поскольку, формально подчиняясь, оставляет за собой оценивающую роль – в этом обнаруживается его, при субстанционально-функциональной зависимости, ментально-модальная свобода.

Четвертая линия – погруженность всех предыдущих линий в ландшафтно-территориально-экономическую среду в их взаимозависимости. Описание этой среды композиционно предваряет другие описания и пунктирно сопровождает все повествование: автор ощущает неразрывность своей судьбы с этим фактором.

К композиционным особенностям относится разбиение текста на главки, вставки (интраполяции) коротких рассказов и других жанровых образований, иногда озаглавленных, иногда как часть общего повествования. Так, например, в записках Федора Гавриловича мы находим такие озаглавленные вставки, как «*О родословной Шукшиных*», «*Приложения: [фотография] «Командный состав 30-й гвардейской дивизии, снята в апреле 1943 года под Дорогубужем*», «*План (примерный) написания семьи Колупаевых*» и др. Борис Иванович к своим мемуарам прилагает свой рассказ об устранении аварии на водопроводной линии под названием «*Как это было (одна страница из истории Экибастуза)*», опубликованный в городской газете «Угольный Экибастуз». Он проявляет незаурядный драматургический и писательский талант: соблюдена классическая структура (вступление, завязка, ход действия, кульминация, развязка, заключение), набросаны речевые портреты участников события, передана динамика напряженной ситуации, удачны диалоги.

В целом мемуары представляют собой не малоорганизованный поток сознания, а композиционно структурированный материал, отражающий миромоделирование авторами своего потока бытия.

К особенностям мемуаров этих авторов относится нагруженность повествования подробнейшей передачей деталей и конкретностей как бытовой (приводятся тщательное описание домашней обстановки, иногда – с нарисованным планом дома, иногда – с указанием мельчайших обстоятельств процесса строительства, нередко весьма подробно описывается одежда и еда), так и производственной сфер (кожевенной, сапожнической, плотницкой, хлебоуборочной, горно-добывающей и пр.). Такова же тщательность в передаче подробностей ландшафта (особенно у Федора Гавриловича, возможно, в силу живописности алтайской природы), с таким же вниманием авторы относятся к упоминанию биографических деталей, касающихся как себя, так и всех, кого затрагивают в повествовании, стремление к конкретности и точности видится и в большом списке имен и фамилий, обязательно с указанием близости, с датировкой событий. Так оба автора понимают жанровую специфику мемуаров – в честной, точной и подробной передаче конкретной житейской «плотности», «вещественности», объективности.

Во всем этом проявляется большое уважение авторов к той сфере, которая получила в научных кругах название «повседневности». Если элитарной культуре и науке пришлось пройти определенный исторический этап, чтобы осознать повседневность как ценность, то людям, погруженным в эту повседневность, ежедневно творящим из нее и в ней смыслообразующие константы, не надо прилагать больших интеллектуальных усилий, чтобы делать такие открытия: естественность взаимопроникновения большого и малого естественным же образом находит выражение в мемуарах «неэлитарных» людей. Более того, они преодолевают закономерность, выраженную в словах «большое видится на расстоянии», «глаз не видит глаза», им удается передать большое в малом, и это делает им честь.

Перейдем к анализу **ценностных концептов**, которые лежат в базовом слое содержательной структуры мемуаров.

1. Основной концепт «История страны – история семьи». Линия «семья – малая родина – страна – человечество – время» в анализируемых мемуарах представлены в единстве и неотрывности. Можно выделить два аспекта этой линии. **Первый – «семья как безусловная ценность».** Ценность семьи не подвергается сомнению: авторы мемуаров с уважением отзываются о всех, даже дальних, родственниках, перечисляют их самих и подробно (насколько помнят) описывают состав их семей, отдельные главы посвящают каждому из своих детей и внуков, с благодарностью вспоминают случаи поддержки родственниками, с участием пишут о нечастых случаях неудачных браков и бездетности. Принцип сохранности брака им кажется безоговорочным, случаи разводов описываются стыдливой скороговоркой, без оценок и обвинений какой-либо стороны, просто как досадное или трагическое несоответствие реальности естественному ходу вещей. Борис Иванович как правильный поступок оценивает случай, когда он спас брак своего подчиненного. Смерть близких воспринимается иногда как естественный порядок вещей, иногда же – как большая утрата. Так, Борис Иванович с горечью, со сдержанным трагизмом описывает гибель своих отца и брата, обвиняя сталинские репрессии, а рану, полученную в результате раскулачивания и гибели отца, он пронесет через всю жизнь, и даже в глубокой старости будет сокрушаться, что так и не удалось узнать, где находятся могилы отца и брата.

О значимости поддержания семейных связей говорит и тот факт, что, уже будучи не очень-то здоровым и очень пожилым, Борис Иванович с супругой считают необходимым набраться сил и объездить своих детей и родственников, чтобы прочитать им те письма от родственников, которые они получили, так как «*знал, что все они не имели давно каких-либо сведений из Киева и Караганды*».

У обоих авторов мы находим страницы о том, как они помогали детям материально и психологически, стремились участвовать в их жизни. Борис Иванович с женой продали все, что могли, чтобы помочь старшей дочери внести пай в строительство квартиры, Федор Гаврилович постоянно приводит примеры своей поддержки детей. Отсутствие индивидуализма, равнодушия кажется им естественным: они рады, что могут помочь своим детям так же, как их родители помогали им (Федор Гаврилович рассказывает, как его тесть – дед Аким – помогал поднимать детей, переехав к ним жить).

Вторая особенность семейных хроник заключается в том, что практически **все события семьи авторы описывают на фоне и в связи с историей страны**, которая не выступает лишь фоном, а является причиной и условием событийного ряда. Это обусловлено объективными и субъективными факторами. С первым отнесем то, что жизнь дедов, родителей и самих авторов пришлась на неспокойное для страны время: отмена крепостного права (предки Федора Гавриловича были крепостными), курс государства на заселение Казахстана, Сибири и Алтая, революция, НЭП, раскулачивание, становление пионерии и комсомола, репрессии, Великая Отечественная война, поднятие целины и промышленный подъем предвоенного и послевоенного времени, хрущевские реформы и пр. – все это

непосредственно затрагивало каждую семью и отдельного человека. К субъективным причинам отнесем то, что сами авторы – люди активной позиции, члены КПСС, целенаправленно делавшие определенную карьеру, руководители, и, следовательно, они сознательно были проводниками в жизнь многих «решений партии и правительства», к тому же это люди думающие, оценивающие, близко к сердцу принимающие жизнь страны и народа. Им присущ известный идеализм и особый – советский – романтизм в виде устремленности в будущее, веры «в светлое завтра», в то, что они строят лучшее общество, в котором будут жить их дети и внуки. Поэтому они со сдержанной гордостью пишут о достижениях, к которым приложили большие усилия, с досадой – о тех нелепостях, которые иногда спускались сверху. Федор Гаврилович, сожалея о понапрасну затраченных усилиях и бездумном растрачивании людских и финансовых ресурсов, довольно много места уделил описанию неудачных хрущевских экспериментов с кукурузой, торфяными горшочками, волюнтаристскими административными реформами, в частности, взятым курсом на уничтожение малых, «неперспективных», сёл и попытку создания «агродоргов», которых так никто и не увидел. Это почти единственное место, где Федор Гаврилович подвергает критике «политику партии и правительства», в остальном же он, будучи солдатом идеологического фронта, благожелательно описывает революционные преобразования, в том числе и создание комсомола, раскулачивание, поддерживает мероприятия по комбедам, иногда сбиваясь на официальные политические клише. Так, даже критическое отношение к коллективизации он проявляет в тех дозволенных политических выражениях, которые были официализированы: *Коллективизация в Стростках, как и во всей стране, не обошлась без ошибок, перегибов и искривления линии партии в этом вопросе местными партийными организациями на местах.*

К некоторой части бедняков и особенно середняков применялись меры недозволенного администрирования, нажимая с целью вовлечения их в колхоз, с угрозами раскулачить их, нарушался принцип добровольности при вступлении в колхозы. Перегиб был и в объединении всего скота и птицы, в запрещении иметь подсобное х-во в коммуне. Все это вызывало недовольство и нарекания крестьян, осуждавших такую практику на местах.

Кулаки были яркими противниками коллективизации и вели против нее ожесточенную борьбу. Это была классовая борьба кулацко-зажиточной части села против сторонников советской власти и линии партии.

Борис Иванович в этом отношении несколько отличается в своих оценках: он с горечью пишет о раскулачивании, о репрессиях (*продолжился период сталинских репрессий, но теперь уже с крестьянством. ремесленниками и мелкими торговцами*), преследовании детей, чьи родители попали под молот сталинских реформ (*Я с недетским горем узнал, что такое дискриминация*). Он до конца своих дней сохранил то обидное, незаслуженное отношение к себе как к человеку второго сорта, которого не принимали в пионеры, в комсомол, не принимали семью в колхоз (*Такое состояние неполноценности, ущербности на долгие годы*

отравило мне мою психику и даже жизнь), и только когда его приняли в партию, он перестал себя чувствовать человеком второго сорта, о чем он пишет с определенной долей эмоциональности. Борис Иванович позволил себе только однажды резкую политическую оценку – по отношению к Сталину как жестокому и вероломному человеку и политику: *«Сталин, оседлав имя Ленина, возведя его в культ, с восточным коварством и деспотизмом начал расправляться с потенциальными соперниками, используя подхалимов и карьеристов для укрепления своей власти. Начался первый этап сталинских репрессий <...> В стране воцарился страх и ужас. Доведя до абсурда учение о классовой борьбе <...> он объявил о ликвидации кулачества как класса. Ретивые исполнители этой политики на местах приступили в буквальном смысле к ликвидации кулаков физически <...> Под колесо репрессий попала и наша семья*». Борис Иванович навсегда сохранил чувства уважения и восхищения по отношению к Ленину, считал, что его линия на кооперацию была правильной, и если бы не Сталин, то не было бы того сокрушительного разрушения сельского хозяйства страны, от которого оно так и не смогло оправиться. Таким образом, мы видим, что в плане оценок роли личности в истории Борис Иванович придавал личности большое значение. Второй раз он дает негативную оценку, в более сдержанной форме, хрущевским волюнтаристским реформам (и в этом он солидарен с Федором Гавриловичем), в частности, в плане бесперспективности организации партгосконтроля: его самого вынудили возглавить партгосконтроль на городском уровне, но он, проработав на этой должности некоторое время, убедился в его неэффективности (*Власть предрержающие не любят контроль*) и настоял на своем уходе и возврате к конкретной инженерной работе, на которой он чувствовал, что приносит реальную пользу.

2. Концепт «Ценность труда». Исследуемые жизнеописания насквозь пронизаны мотивом труда. Можно сказать, что это самая частотная тема, с этим мотивом соотносится, пожалуй, наибольшее число ключевых слов. Можно выделить несколько вариантов внутри этого концепта.

1) Труд – очень тяжелая ноша, но она – основа бытия, и необходимость его не подвергается сомнению. Человек без труда – бездельный, роскошествующий, красиво отдыхающий – ни разу не возникает на страницах мемуаров, кажется, авторы и не подозревают о таком способе жизни: все трудятся постоянно, и хотя и с очень большим напряжением, но с естественным чувством приятия труда и его тяжести. Поэт Н. А. Некрасов назвал это свойство русского человека красиво: «привычка к труду благородная». Трудились деды и бабушки, родители и дети, сами авторы с довольно раннего детства, причем часто – впроголодь, а то и просто голодая. Встречаясь со случаями пьянства, прогулов, разгильдяйства и непрофессионализма, они считали своим естественным долгом с ними бороться. Борис Иванович осуждающе вспоминает болтливого начальника, который приходил к нему поговорить и мешал работать. Федор Гаврилович с презрением говорит о тех коллегах и начальниках, которые использовали свое положение в личных целях, поверхностно знали работу и больше всего были озабочены укреплением своей власти любыми небла-

говидными способами. Он вспоминает свое удивление регламентированностью городского трудового дня – он же был воспитан на сельском, где нормой было работать от зари до зари: *«Мне, пришедшему из райисполкома и сельской местности, было странным видеть городскую жизнь. Все управления, аппарат и база работали точно с 9-ти до 18 часов с перерывом 1 час на обед. В 18 часов вся работа замирала, кроме разгрузки вагонов, люди все уходили домой и управление закрывалось на замок. Для меня это было странно, ибо в селе мы приходили на работу на 1 – 2 часа раньше 9-ти и работали до 10 – 12 часов вечера, и не успевали вовремя решать многие вопросы»*.

2) Ценность человека, который «на все руки мастер». Будучи выходцами из крестьянской жизни, где узкий профессионализм не востребован, наверное, до сих пор, а тем более во времена неустойчивости и тотальной разрухи, выпавших на долю этих авторов, они с уважением рассказывали о своих родителях, которые умели делать все – не только то, что касалось крестьянской сферы, но и владели разными ремеслами, если же чего-нибудь и не умели, то быстро и бесстрашно этому обучались. Дед Федора Гавриловича Антон Дмитриев и его бабушка были крепостными: *«Работали они, особенно летом, от зари до зари, на помещика, труд был адский, орудия труда были: волю, соха, борона и лопата, зимой дед шорничал, бабушка ткала полотна на станке для помещика. <...> С детства дед сыновей приучал к труду, будучи сам мастером на все руки, он мог катать валенки, шить, сапоги, сбрую и одежду, владея плотницким делом, делал сани, телеги и бондарные изделия, всем этим видам работ он приучал и детей, передавая им свой опыт и умения <...>. Отец хорошо овладел сапожным делом и шил даже «Модельную» обувь того времени. Кроме этого, шил одежду, выделывал овчины и кожу, шил туфли и тулупы, делал кадушки и рукошки, сани, телеги и кашевки, хорошо умел плести лапти»*. Борис Иванович со сдержанным восхищением и любовью пишет об отце, который *«с бригадой плотников приходил на заработки по деревням строить дома, сараи, амбары, мельницы. Эти бригады были мастера на все руки: плотники, столяры, каменщики, печники, кузнецы, бондари и т. д. Таким был и мой отец: молодой, здоровый, ловкий, мастер на все руки»*. После революции отец Бориса Ивановича сам освоил кожевенное дело – «нелегкое и грязное производство», с теплотой и сочувствием излагаются подробные детали всей технологии. Сами авторы мемуаров также не были узкими специалистами, им приходилось на протяжении всей жизни осваивать разные виды деятельности. Федор Гаврилович был преданным солдатом партии и всегда трудился на любом участке, куда бросала его работа, осваивая на ходу любую отрасль хозяйствования. Борис Иванович, имея только среднее специальное образование, в такой степени сам осваивал сложнейшие инженерные специальности, что прекрасно справлялся с любым порученным делом, будь это сфера горнодобывающей промышленности, энергетика, создание завода и управление им. Они оба всегда занимались огородничеством и любым мужским делом дома и на своем приусадебном участке, то есть были мастерами на все руки, что казалось им естественным и нормальным.

Вера, что любая работа подчинится упорному и целенаправленному человеку, лежала в основе трудовой психологии этих людей: мир держится на труде – честном и упорном: «дело мастера боится» – обычная поговорка этих людей.

3) Труд нужен не только для выживания, но и для становления человека и страны. Эпиграфом к этому мотиву могут послужить слова Н. А. Некрасова: «прочно и ясно сознание, что все их спасенье – в труде». При всей тяжести труда он не воспринимается как беда, проклятие, от которого необходимо освободиться. Нигде ни в коей мере не присутствует хоть намек на мечту о легкой бездельной жизни. Помимо осознания необходимости работы для выживания, присутствует и чувство, что труд – единственный путь становления и отдельного человека, и всей страны. Более того – в основе лежит представление, что труд возвышает человека (в ходу была фраза «труд из обезьяны сделал человека») и создает его ценность, особенно если он сопряжен с образованием.

Этот нравственно-духовный компонент труда был характерен для общей идеологии советского периода, он органично пронизывает все повествование авторов обоих анализируемых мемуаров. Революция, приведшая к перемешиванию слоев населения и к расшатыванию устойчивой архитектуры общественного бытия, имела одно несомненное достоинство: многие люди из низов смогли быстро подняться на более высокие ступени общественной лестницы, что было бы им затруднено при старой системе. И хотя среди них были и проходимцы, те, кто с помощью ловкости, подхалимажа и предательства получили теплые места, но авторы мемуаров относятся к тем, кто считал, что человек из самых «низов» может подняться до общественно значимого уровня благодаря честному и упорному труду. Именно в силу своей ответственности, преданности делу, незаурядной работоспособности и умению самостоятельно осваивать новые знания и умения они оба сделали приличную карьеру, что укрепляло их в сознании правильности такого пути.

3. Концепт «Трудность жизни и ее преодоление». Этот концепт связан с предыдущим концептом труда (особенно мотивом «труд – очень тяжелая ноша»), но не тождественен ему, поэтому решено его выделить в отдельный разряд.

Концепт бедности и ее какой-то экзистенциальной «правоты» во многом порожден идеологией Октябрьской революции и лежащей в ее основе социалистической идеей, восходящей, видимо, к библейским ценностям. Постоянный мотив бедности объясняется той разрухой, которая наступала после каждого смутного времени, когда люди не по своей вине оказывались в очень тяжелых условиях, что вызвало справедливое сочувствие к ним, но, думается, он тянется и из более дальней истории и общественной психологии (вспомним поэмы и стихи Н. А. Некрасова). Мотив трудности жизни и бедности сопровождает почти все повествование обоих авторов, он проявляется даже в подробностях описания вещей (Федор Гаврилович подробно описал, как он впервые смог «прилично» одеться), еды, особенно если она оказывалась качественной и заслуженной (например, на годичных курсах в Москве).

Особенно ярко мотив бедности и тяжести жизни представлен в мемуарах Федора Гавриловича, в которых постоянно повторяются фразы: *жили они в крайней бедности, в невероятно тяжелых условиях; жили они очень бедно и трудно; в жены взял бедную, сироту; жена была взята из бедной крепостной семьи* и т. д. Рассказывая о социальном слое села Сростки, он пишет: *Третья группа самая большая – это была бедняки и безнадежные батраки, они составляли около 60 % населения села.* Мотив бедности, нужды, подчиненности «личного общественному» прослеживается и при описании своей «свадьбы» (*На неделе распили без гостей бутылку с отцом и братом, а затем пригласили к себе зав. районо Курмачева П. П. и директора сибторга магазина "Акорь". Закрыли окна, чтобы никто нас не видел, распили бутылку, на этом вся свадебная процедура была закончена. Так мы начали свою новую семейную жизнь. На 3-й день я уехал на неделю в командировку в район по делам, она хозяйничала дома одна*), и при рассказе об общественной жизни перед войной (*Все это создавало величайшие трудности в работе, в 1939 году часть хлеба ушла под снег, не выполнен был план хлебосдачи и другие планы. Все это отражалось на материальных условиях жизни колхозников. Однако энтузиазм людей был высокий и духом никто не падал. <...> Трудности района были главным образом в транспортной проблеме <...>*), и разумеется, в повествовании о военных и послевоенных годах (*Колхозы района были мелкие, в каждом поселке был колхоз, а в больших селах их было по 4 – 5 колхозов. Экономически они были крайне слабы, не было тягла, работали на быках и коровах, техника в МТС была старая и ее было крайне мало*). Трудности и тяжести бытия сопровождали каждую семью и каждого человека, с неизменным сочувствием он пишет не только о близких, но и далеких людях (*Матери Анны Лаврентьевны Бобылевой выпала нелегкая судьба после гибели мужа вырастить и воспитать пятерых дочерей и перенести большие материальные трудности.*). Причем тяжелая жизнь необязательно была вызвана социальными причинами, это как бы общая, экзистенциальная основа бытия: высокая смертность детей (в его родительской семье из двенадцати родившихся детей выжило шестеро), бесконечные болезни и утраты, в которых трудно найти виноватых (*У старшего Финогена жена, ее звали Мария Николаевна, она часто болела, была небольшого роста сухонькая, вела домашнее хозяйство. <...> К 50 годам после сильных головных болей произошло психическое помешательство. Мария Николаевна часто болела и в конце 20-х годов умерла, не изменившись от помешательства*).

В отношении этого концепта – бедности и трудности жизни – имеются некоторые различия у двух авторов. У Бориса Ивановича (человека точного и объективного мышления) присутствует идея, что труд, при правильной его организации и больших усилиях, дает плоды и обеспечивает достаток и более сытую и счастливую жизнь, – и это норма. У Федора Гавриловича (бойца идеологического фронта) сильнее представление об изначальном антагонизме бедных и богатых, о их классовой непримиримости и необходимости поделить богатство между людьми. Отсюда и противоположная оценка раскулачивания и репрессий:

Федор Гаврилович считал несправедливым, только если к кулакам приписывали середняков и обобществляли мелкий скот и птицу, а в целом раскулачивание считал правильным. У Бориса Ивановича дед и родители были из более зажиточной семьи, они подверглись репрессиям и раскулачиванию, после которых и наступили невероятные трудности в жизни семьи, как материальные, так и морально-психологические. Таким образом, в психологии Бориса Ивановича заложено в меньшей мере представление об экзистенциальной природе бедности – она во многом рукотворна и объясняется неправильными решениями властей, поведением нечестных людей, многие проблемы возникают из-за «бюрократизма и нашего российского разгильдяйства и безалаберности». Но все же определенная апологетика трудности бытия имеет место и в его психологии. Так, уже на пенсии, посещая семьи своих взрослых детей и родственников, он нередко отмечает: *«там тоже жизнь трудная»*, перечисляя, в чем трудности и как они решаются. Описывая жизнь своей старшей дочери, доцента университета, он сетует, что для достойной жизни, чтобы вырастить дочь, ей необходимо постоянно подрабатывать репетиторством, ездить по командировкам *«в северные города»* на «экзаменационные комиссии», поскольку *«как известно, наши мудрые правители довели образование до нищеты: преподаватели вузов, учителя из-за скудной оплаты своего нелегкого труда вот уже несколько десятилетий влчат нищенское существование»*. Но при этом с особым чувством гордости он отмечает стойкость, энергию и трудоспособность своих детей и то благополучие, которое они получают как заслуженную награду. В целом у Бориса Ивановича и Федора Гавриловича отсутствуют надежды на подарки судьбы, неожиданные удачи и то, что получило в более позднее время название «халявы». Думается, им было бы неловко, если бы такая «халява» свалилась им на голову, а тем более они не смогли бы со спокойной душой пользоваться чем-то, полученным незаконным или неблагоприятным в нравственном отношении путем: они настроены ценить лишь заслуженное благополучие.

Важна модальность описания бедности и трудности жизни. При всем вновь переживаемом чувстве определенного страдания, в нем нет безысходности, унылости и излишней покорности. Ценятся упорство, бодрость, стремление выстоять, вынести урок из выпавших на долю испытаний: *Однако энтузиазм людей был высокий и духом никто не падал* – пишет Федор Гаврилович. Борис Иванович именно эти качества ценит в своих детях, когда, описывая трудности их жизни, подводит итог: *«Все эти жизненные переипти выработали у Наташи (дочери – Н. Л.) бойцовский характер, целеустремленность, и ее поведение, ее характер оказывают положительное влияние на всех в нашей семье. Она пример для всех и не только в семье, но и в коллективе, где она работает»*. Последняя приписка весьма характерна: в той неизменно трудной жизни, которая выпала на долю авторов мемуаров, при ослаблении религиозно-нравственной опоры нужны были положительные примеры, на которые могли бы ориентироваться окружающие, чтобы выстоять и выжить.

Востребованы были смыслообразующие концепты и идеалы: семья, мифологизированная фигура Ле-

нина, представление о справедливом устройстве мира, вера в будущее, принадлежность к чему-то большему, чем индивидуальная жизнь отдельного человека, – стране, партии, социалистическому строю.

4. Концепт «Ценность знания, образования». У обоих авторов присутствует большое уважение к самой идее образования, к знаниям, к развитым и культурным людям, и чувствуется тоска по хорошему образованию, которое они, в силу тяжелейших условий жизни, не смогли получить, поэтому они постоянно восполняли этот недостаток самообразованием. Они сами много читали художественную и публицистическую литературу, подчеркивают, что уже их отцы выписывали и читали газеты: отец Федора Гавриловича – газеты «Беднота» и «Крестьянская газета», отец Бориса Ивановича – «Известия».

Федор Гаврилович подчеркивает, что эту ценность образования в семье осознавали искони: *Дед, не имея образования сам, стремился обучить грамоте сыновей. Все они получили в этой школе начальное образование. Не без гордости Федор Гаврилович указывает, что его отец пользовался уважением за грамотность: Отец же считался в то время одним из грамотных людей на селе. К нему часто обращались жители села с просьбой написать какую либо просьбу или письмо, и он это делал с удовольствием. <...> Отец был беспартийным и активного участия в политической жизни не принимал, но с первых дней Советской власти он воспринимал ее положительно. Все время выписывал газету «Бедноту», а затем «Крестьянскую газету» и все новости рассказывал своим соседям, друзьям и товарищам. В апреле 1921 года отца Гаврила Антоновича пригласили в волисполком. Он тогда размещался в боклане в доме купца Глебова С. (на втором этаже), стали просить его принять дела секретаря и казначея волисполкома, как грамотного пишущего человека и сочувствующего коммунистам и Советской власти. Отец дал свое согласие и был утвержден в этой должности и приступил к работе.*

У Федора Гавриловича в записках рефреном проходит мысль о стремлении молодежи к знаниям и трудностях для ее получения: *Тяга молодежи к знаниям была огромная, но условия для учебы были нелегкими, поэтому многие ребята и девчата, окончив 1-2 класса, бросали учебу, да и места всем желающим учиться в школе не хватало. <...> Работа комсомольских организаций того периода была живой, интересной, творческой, и комсомольцы с большим желанием и охотой принимали в ней активное участие. Молодежь в то время в селе не находила полного применения своих сил и инициативы, ей не хватало знаний. Она рвалась к ним.*

И сам Федор Гаврилович долгое время имел только начальное – четырехклассное – образование. Потом его закрутила бурная революционная и послереволюционная жизнь, но он все время ощущал нехватку образования (к этому времени 4 класса уже было мало) и рвался его получить: *В этот период я много читал художественной и политической литературы. Но чувствовал, что мне не хватает образования и общих знаний и стал искать возможность поступить куда-либо учиться во что бы то ни стало. Прочувшись на разных партийных курсах, в совпарт-*

школе, он получил шанс значительно повысить уровень своей образованности: *В октябре 1933 года меня вызвали в крайком ВЛКСМ и предложили поехать учиться на годичные курсы комсомольских работников при университете им. Я. М. Свердлова в г. Москве. Я дал свое согласие. Программа курсов была уплотненной, за год мы должны были пройти общеобразовательные предметы по русскому языку, математике, химии, физике в объеме программы НСШ за 7 классов. Кроме этого, изучали историю ВКП (б), ленинизм, политэкономии, советско-партийное строительство и организацию производства в колхозах. По окончании этих курсов Федор Гаврилович получил документ, который приравнивался к аттестату за 7 классов. Но его образование не исчерпывается непосредственно обучением. Будучи в Москве, он постарался получить как можно больше в плане общего развития: в своих мемуарах он перечисляет, какие он посетил музеи, театры и выставки, скольких знаменитых людей он услышал и увидел (Преподаватели у нас были видные ученые из Ком.университета им. Я. М. Свердлова. В нашей группе ленинизм преподавала жена К. Е. Ворошилова. Лекции читали нам Емельян Ярославский, Липидус и другие видные ученые). Этот багаж, полученный за один год жизни в Москве, служил ему всю последующую жизнь, и он его очень ценил. Но он все же постоянно испытывал чувство, что ему не хватает образования, и в 36 лет попросился, чтобы его направили в двухгодичную Краевую партшколу. И хотя ему было уже нелегко учиться, но он все же постарался подтянуть себя по русскому языку – другие предметы ему давались легче. Понимание ценности образования и исключительная восприимчивость к знаниям способствовали поднятию его общего развития и дальнейшей карьере на руководящих постах. С удовлетворением он пишет, как его жена Анна, будучи занятой по хозяйству в доме, став матерью и работая, все время заочно училась: сначала в педучилище, затем в педагогическом институте. И они сделали все, чтобы дать образование детям. Его обычная положительная оценка человека – культурный, высокообразованный.*

Очень высоко ценили образованность и в семье Бориса Ивановича, который не без гордости пишет про своего отца: *«был он грамотен и хорошо развит. До революции (1917 г.) и после была такая тенденция – знать язык коренной нации <...>. Так вот, отец в совершенстве знал казахский язык и не только их речь, но и письмо. Тогда это была арабское письмо и печать. И далее он подчеркивает, что, как грамотный человек и знаток языка местного населения (не только казахского, но и киргизского и узбекского, которые, как указывает Борис Иванович, очень близки), его отец привлекался к работе то переводчиком, то заведующим отделом почтового отделения и т. д. Борис Иванович подчеркивает, что отец женился на матери – Фенечке Сухоруковой – потому, что он оценил не только ее милость, но и развитость, которую она приобрела, когда со своим отцом ездила на моление в Киево-Печерскую лавру, а затем некоторое время жила в монастыре в г. Верный (так раньше назывался г. Алма-Ата), общалась с беглым революционером, который укрывался у его отца на пасеке. И сам Борис Иванович объясняет выбор своей жены Фаины Вениаминовны во многом тем, что она, учась в техникуме, была исклю-*

чительно начитанной девушкой и они подолгу разговаривали с ней о книгах. Так высоко ценилась в его семье интеллектуальность не только мужчин, но и женщин. Кстати, его отец выписывал и читал газету «Известия». Когда он повел маленького Борю в школу, то тот заслужил похвалу учителя и гордость отца, поскольку на вопрос учителя, знает ли он буквы, он прочел плакат на стене: читать он незаметно от всех выучился, когда его старший брат готовился к урокам. Учился Борис Иванович хорошо на пятёрки (*Я учился легко и охотно*) и с благодарностью вспоминает, что у них были хорошие учителя (*Самые светлые воспоминания у меня оставила школа*). У директора школы была прекрасная библиотека, из которой ему и его другу на 2 – 3 ночи жена директора давала читать книги. В последнем классе школы жизнь без отца стала совсем невыносимой в материальном и финансовом отношении, т. к. старшего брата забрали в армию и их мать осталась одна с четырьмя детьми. Поэтому встал вопрос о том, что он должен бросить школу и пойти работать для поддержки младших братьев и сестер. Но директор школы на педсовете поставил вопрос, как помочь лучшему ученику школы, и ему нашли подработку старшим пионервожатым. Благодаря этому он смог закончить среднюю школу с отличием, послать документы в Томский университет и получить сообщение, что его зачисляют без экзаменов, по результатам аттестата. Но поскольку не было никакой возможности ни собрать денег на дорогу, ни хоть как-то одеться и обуться, то он решил год поработать, чтобы скопить денег на необходимое. И тут опять история страны вмешалась в его жизнь: началась война и его забрали в трудовую армию в г. Караганду, где он смог получить лишь «узкое» – одногодичное – техникумовское образование, и несбывшаяся мечта о высшем образовании осталась у него навсегда незаживающей раной. Он этому посвящает специальный отрывок в своих воспоминаниях.

Борис Иванович с Фаиной Вениаминовной воплотили свою мечту об образовании в своих детях и внуках: они сделали все, чтобы те стали образованными людьми, и в своих мемуарах Борис Иванович всегда

указывает, кто из них что закончил и где учится. Он с нескрываемой гордостью пишет о кандидатских и докторских диссертациях, защищенных его детьми, зятями и внучками, и при этом подчеркивает не материальный достаток, который последовал за этим, а именно их духовный рост.

Подведем общий итог

В мемуарах двух авторов – Бориса Ивановича Гладких и Федора Гавриловича Дмитриева – выстраивается особый мир, отражающий целую эпоху страны (более века) через призму одного человека и семьи, – мир, погруженный в широкий социальный контекст. И вся композиция мемуаров, и миромоделирующие концепты структурируют ушедшую эпоху в особую эпическую картину, нагруженную трагедиями и драмами, звучащими диалогами и панорамными пейзажными разворотами. Это мир плотно заселенный и динамический, движущийся из туманного далека (с середины XIX в., краткие очерки по истории их края захватывают и более ранние этапы) в настоящее время (у Бориса Ивановича это уже начало XXI в.), авторы заглядывают и в будущее. Эта эпическая картина имеет и ценностное измерение: она наполнена мыслями авторов, их оценками, их мировидением и мировоззрением, их духовным – ментальным и нравственным – содержанием. Перед нами вырисовываются люди, равновеликие своей эпохе, но не подозревающие о своем величии – скромность входит как необходимое условие их самовосприятия. Люди умные, сильные, духовно здоровые, размышляющие и чувствующие, выстоявшие в сложнейшие времена и вытянувшие страну на своих плечах.

У читателя возникает сильное ностальгическое ощущение от сознания того, что этот, еще недавно реально существовавший, мир ушел, видимо, безвозвратно. И все четче вырисовываются те духовные константы, на которых зиждился этот мир: цельность, стойкость, трудолюбие, нравственное здоровье, измерение себя и окружающих в больших смыслообразующих парадигмах – страны, народа, государства.

Литература

1. Автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотникова. Публикация и исследование текста / Подготовка текста, предисловие и комментарий д-ра филол. наук, профессора Б. И. Осипова. Омск, 1995.
2. Воспоминания А. Н. Белозерова «Записки районного служащего»: Публикация и исследование текста / Подготовка текста, предисловие и комментарий д-ра филол. наук, профессора Б. И. Осипова. Омск, 2002.
3. Воспоминания работницы М. Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь». Публикация и исследование текста / Подготовка текста, предисловие и комментарий д-ра филол. наук, профессора Б. И. Осипова. Омск, 1997.
4. История советской правоохранительной системы в мемуарах юриста С. А. Мордвинова: публикация и исследование текста / предисл. и коммент. Б. И. Осипова и Е. А. Рониной. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. (Народные мемуары. Вып. VIII).
5. Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо». Опыт логико-социологического чтения. М.: Гнозис, 1996.
6. Солдатские воспоминания Н. Ф. Шульгина и Г. П. Еланцева. Публикация и исследование текста / Подготовка текста, предисловие и комментарий д-ра филол. наук, профессора Б. И. Осипова. Омск, 2000.

Информация об авторе:

Лебедева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ, nlebedevab@yandex.ru.

Natalia B. Lebedeva – Doctor of Philology, Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 30.12.2014 г.